

подхватываетъ въ охапку полушубокъ, и его выводятъ въ залу, отгораживая его скамьей. За этой скамьей ждуть принятыя. Такой же, какъ онъ, молодой малый изъ деревни, но изъ дальней губерніи, уже готовый солдатъ съ ружьемъ, съ примкнутымъ острымъ штыкомъ, караулить его, готовый заколоть его, если бы онъ вздумалъ бѣжать.

Между тѣмъ толпа отцовъ, матерей, женъ, толкаемая городовыми, жметса у воротъ, узнавая, чей принятъ, чей нѣтъ. Выходятъ одинъ забракованный и объявляющій, что Петруху приняли, и раздаются взвизгъ Петрухиной молодайки, для которой это слово : «принятъ», значитъ разлука на 4—5 лѣтъ, жизнь солдатки въ кухаркахъ, въ распуствѣ.

Но вотъ по улицѣ проѣхалъ человекъ съ длинными волосами и въ особенномъ отличающемся отъ всѣхъ нарядѣ и, сойдя съ дрожекъ, подходитъ къ дому Земской Управы. Городовые разчищаютъ ему дорогу между толпою. «Пріѣхалъ «батюшка» приводить къ присягѣ». И, вотъ этотъ батюшка, котораго увѣрили, что онъ особенный, исключительный служитель Христа, большей частью не выдающій самъ того обмана, подъ которымъ онъ находится, входитъ въ комнату, гдѣ ждуть принятыя, надѣваетъ занавѣску парчевую, выпростывая изъ за нея длинные волосы, открывая отъ самое Евангеліе, въ которомъ запрещена клятва, беретъ крестъ, тотъ самый крестъ, на которомъ былъ распятъ Христосъ за то, что онъ не дѣлалъ того, что велитъ дѣлать этотъ мнимый его служитель, кладетъ ихъ на аналой и всѣ эти несчастные, беззащитные и обманутые ребята повторяютъ за нимъ ту ложь, которую онъ смѣло и привычно произноситъ. Онъ читаетъ, а они повторяютъ : общаются и кланяются всемогущимъ Богомъ предъ святымъ его Евангеліемъ.... и т. д., защищая, т. е. убивая всѣхъ тѣхъ, кого мнѣ велѣть, и дѣлать все то, что мнѣ велѣтъ тѣ люди, которыхъ я не знаю, и которымъ я нуженъ только на то, чтобы совершать тѣ злодѣянія, которыми они держатся въ своемъ положеніи, и которыми угнетаютъ моихъ братьевъ. Всѣ принятыя ребята бессмысленно повторяютъ эти дикія слова, и такъ называемый «батюшка» уѣзжаетъ съ сознаниемъ того, что онъ правильно и добросовѣстно исполнилъ свой долгъ, а всѣ эти обманутые ребята считаютъ, что тѣ нелѣпыя, непонятныя имъ слова, которыя они только что произнесли, теперь, на все время ихъ солдатства, освободили ихъ отъ ихъ человѣческихъ обязанностей и связали ихъ новыми, болѣе обязательными солдатскими обязанностями.

И дѣло это совершается публично, и никто не крикнетъ обманывающимъ и обманутымъ : опомнитесь и разоидитесь, вѣдь, это все самая гнусная и коварная

ложь, которая губитъ не только ваши тѣла, но и души.

Никто не дѣлаетъ этого ; напротивъ, когда всѣхъ приняли и надо выпускать ихъ, какъ бы въ насмѣшку имъ, воинскій начальникъ съ самоувѣренными, величественными приѣмами входитъ въ залу, гдѣ заперты обманутые, пьяные ребята, и смѣло по военному кричитъ имъ : Здорово, ребята ! Поздравляю съ «чарской службой». И они бѣдные (ужъ кто то научилъ ихъ) лопочатъ что то непривычнымъ полупьянымъ языкомъ, въ рдѣ того, что они этому рады.

Между тѣмъ толпа отцовъ, матерей, женъ стоитъ у дверей и ждетъ. Женщины заплаканными остановившимися глазами смотрятъ на дверь. И вотъ она отворяется и выходятъ, шатаясь и куражась, принятыя рекрута : и Петруха, и Ванюха, и Макаръ, стараясь не взглянуть на своихъ и не видѣть ихъ. Раздаются вой матерей и женъ. Одни обнимаются и плачутъ, другіе храбрятся, трети утѣшаютъ. Матери, жены, зная, что онѣ теперь на три, четыре, пять лѣтъ остались сиротами безъ кормильца, воютъ и наголосъ причитаютъ. Отцы мало говорятъ, а только съ сожалѣніемъ чмокаютъ языками и вздыхаютъ, зная, что теперь ужъ не видать имъ выхоженныхъ ими и выученныхъ помощниковъ, а вернутся къ нимъ ужъ не тѣ смиренные, работающіе землѣдѣльцы, какими они были, а большей частью уже развращенные, отвыкшіе отъ простой жизни щеголи-солдаты.

И вотъ вся толпа разсаживается по саянямъ и трогается внизъ по улицѣ къ постоялымъ дворамъ и трактирамъ и еще громче раздаются вслѣдъ, перебивая другъ друга, пѣсни, рыданія, пьяные крики, причитанія матерей и женъ, звуки гармоніи и ругательства. Всѣ отправляются въ кабаки, трактиры, доходъ съ которыхъ поступаетъ правительству, и идетъ пьянство, заглушающее въ нихъ чувствуемое сознание беззаконности того, что дѣлается надъ ними.

Двѣ-три недѣли они живутъ дома и большею частью гуляютъ, т. е. пьянствуютъ.

Въ назначенный срокъ ихъ собираютъ, стоняютъ какъ скотину въ одно мѣсто и начинаютъ обучать солдатскимъ приѣмамъ и учениямъ. Обучаютъ ихъ этому такіе же, какъ они, но только раньше, года два-три назадъ, обманутые и одичалые люди. Средства обученія : обманы, одуреніе, пинки, водка. И не проходитъ года, какъ душевно здоровые, умные, добрые ребята становятся такими же дикими существами, какъ и ихъ учителя.

— Ну, а если арестантъ — твой отецъ и бѣжитъ, спросилъ я у одного молодого солдата.

— Могу заколоть штыкомъ, отвѣчатъ